

АРТЕМ МЕДИЦИ

ЦИКЛ УТРАНТА

ОДЕРЖИМЫЙ

12+

Артём Геннадьевич Медичи

Одержимый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43807824

SelfPub; 2019

Аннотация

Кто-то сказал: правда всегда одна. Крестьянин, извозчик и забулдыга Густай Сивир знает это как никто другой. Как прекрасна жизнь, когда вокруг – правда, только правда и ничего кроме правды! Кхм... да. И дабы это счастье не разлилось, подобно молоку из треснувшего кувшина, в головах чешут сразу трое, из которых ни один не попадает под определение "нормальный человек с удавшейся личной жизнью".

Темно-красная, цвета подвяленного мяса, мелкая удушливая пыль струилась по дороге. Ветер-хохотун играл с пылью, свивал в клубки, вырывая из них багряных змей, бросаая сгустки глинистой взвеси в ноги, разрывая извивы в ключья, тщетно пытаясь забить рот и нос, обтянутые матерчатой маской. Конец лета выдался на диво сухим; с гор не скатывались орды разбойников-туч, дожди же, по-видимому, решили отныне и навеки считать Утрантскую Одворь проклятым местом, и ни одна капля не пролилась... сколько? Да второй месяц уж пошел...

Жара стояла на полях.

Собирались просить о помощи Утрантскую Ведьму... ага, допросишься, как же. Муженек ее быстро накрутил хвост и старосте, и дароносцам, и даже охране заодно досталось. Как еще не выронил: «Пускаете всякую шваль...». Это при том, что муженек ее сумрачнолицый – не из Белой Башни, а из Зеленой. И еще поговаривали, что Ведьма и не Ведьма на самом деле, а воплощение этого... который с рогом и хвостами. На старосту похоже? Это да, рог у него вырос просто замечательный, а этот Зюндар, или как его там, даже кулак не потер. Обернулся и пошел – весь из себя каменный. Голова каменная – зачем ей думать? Спина каменная. Ниже тоже все окаменело, презрение источает. Ох, чародеи...

Ну, это потом мы уже узнали, что женка его крепко с ним повздорила. Собрала в торбу все свои хвосты и рога, и так, налегке, ушла жить к родителям. Оно и правильно... стран-

ная она, неча таким в Утранте разгуливать. Роглак-то – вон он, за горкой да у Ручейного Камня. В случае чего и навещаться можно, и совета спросить, а город пусть людям достается. Мало ли сколько в этой бестии Стихий да кем она очищена... говорят, на Очищении оленя целого положено съесть. Вот ведь живут жрецы!

Жара стоит. Не деваётся никуда, проклятая. Все попряталось, смолкло. Все, кроме этих отродий кузнечиков. Свиристыят на чем свет стоит, уши вянут, со злобы что ль, или во-все с ума сошли. А что? Вон, говорят, у Мирка Одноглаза свинья с ума сошла. Прыгает, ревет. Сегодня Мирк ее резать собирался. Пойти бы потрохов выпросить, да лень... И Лис у Анховы больной стал, то кидается на всех, то плачет, даром что псина, а мозги-то у всех есть. Во! Слыхали? Сова. Днем. В дикую жару. Нет, не иначе – *проклятие*.

Шляпа-соломенка сползла на лоб, и Густай Сивир привычно поправил ее бутылкой – той самой, что держал в руке. В стеклянной купели оставалось еще немало «Слезы Пятого» – иначе и не назвать ту водицу, которую гнал из картошки и сахара толстяк Смосс. Этот пройдоха, даром что жрец, уже успел отравить своим пойлом пару деревень и неуклонно подбивал клинья к третьей. Потом, по-видимому, должен будет наступить черед Утранта. Сивир хихикнул, представив себе спившихся (в очередной раз) магов из Зеленой Башни. Да-да, зеленых магов, зеленую башню (в числе три), зеленую стражу и зеленого рерию. Нос, являвший собой образец

мягкого художественного перехода от глубины ночного неба к пылающему закату, замер, не дойдя до горлышка бутылки. Носу нестерпимо хотелось почесаться, но старый Сивир медлил. Не спеша оглянулся. Сзади никого не было. Впереди тоже было пусто. И по бокам, и сверху, и под землей. Никого не было вокруг, и только тогда возница отложил бутылку, почесал пятерней мясистый нос и горько вздохнул. Можно сколько угодно делать из магов дураков, зная, что любой из них сметет тебя одним движением мысли. Можно насмеяться над стражей, помня, как близки тюремные застенки. Но рерия... Церемония посвящения, канувшая в туман... каша в головах, дикий ужас в сердце – все ерунда. Сам рерия – вот притча во языцех. И не дай Шестеро подумать невпопад – нет, никогда мужественный и благородный рерия не был вором, врачом, мошенником и бродягой без гроша в кармане. Не был и не будет, храни его Косой Крест.

Грызь уныло трянула головой. Пыль не нравилась ей не меньше, чем хозяину. Воз не был особенно тяжелым: сено успело высохнуть – поробуй тут не высохни... хоть какая-то польза от сумасшедшего пекла, что стояло насмерть и помирать не собиралось. Сено... клевер там вкусенький, хрустящий. Но скверное поведение красного марева перечеркивало все удовольствие. Зачем нужен клевер, когда рот наполняется жирным пеплом? Зачем сено, если в глаза лезет багряная сухость? Хоть бы хозяин додумался водицы, что ли, дать... или морковочку... Грызь снова мотнула головой и тя-

жело вздохнула. Тяжела участь лошажья: тащи воз, перебирай ногами, не заикайся о моркови да медитируй на клевер. С четырьмя листочками. Счастье приносит, зар-раза...

Густай Сивир благосклонно кивнул. За долгие годы он научился понимать язык Грызи. Пыль не нравилась обоим; одна судьба делилась на двоих, и то, что в руке возницы была изумрудно-зеленая бутылка бормотухи, а верная лошадь страдала от жажды, было явлением временным. Во-он до того привала. Все надо делать в срок, правильно и быстро – и ни в коем случае не прыгать выше головы. Цель по стрелку, шапка по голове, брага по горлу. Сивир слегка скривился, вспомнив случай двадцатилетней давности, вбивший в него нехитрую эту философию. Ну да, шишки и синяки, набитые дубинками судьбы, тоже должны соответствовать выносливости счастливца. Иначе – смысл в уроке? Загнется избранничек фортуны, и ищи пузырей в болоте. Сивир вот – выдержал. И Грызь наверняка тоже таит в душе своей четвероногой простую животную печаль, и потому не капризничает и не хулиганит по пустякам.

Сивир мотнул головой – точь-в-точь как Грызь, отгоняя вместо слепней дурацкую меланхолию. Приник губами к бутылке, глотнул от души; терпкий комок прокатился по пищеводу – и замер где-то у входа в желудок, словно хотел сказать: «Нет уж, дальше я не пойду, ищите другого дурачка – пропадать, так с музыкой!». Сивир закашлялся, бутылка выпала из его рук, он согнулся в три погибели, заскреб пальцами

по днищу повозки, безжалостно садя занозы – и вдруг проклятый комок рухнул вниз, обжег желудок: к Пятому, хватит сопротивляться, надоело! И стало тихо-тихо.

На сотни миль.

Сивир поднял голову. В глазах слезилось, контуры расплывались. На краю дороги, у указателя-графиса, трепетала белая тряпка. Возница нашарил бутылку, не глядя встряхнул, ощущая, как сердце медленно, слишком медленно снижает взорвавшийся градом ритм – граду бы, льду, снегу... Жарко было Густаю Сивиру, и тяжелое дыхание с винными парами со свистом вырывалось из глотки – что за...

Белая тряпка.

Сивир протер глаза. Сплюнул через борт телеги – от души, по-крестьянски, выплевывая страх и тревогу. Бережно поставил бутылку – там еще оставалось с четверть – в «гнездовник», чтоб не опрокинулась.

– Тпру, Грызь. Стой, стой, хорошая...

Скидывая ноги с телеги, Сивир чувствовал, как страх, только что выплюнутый и смешавшийся с красной пылью, начинает возвращаться. Словно упрямый плевок не захотел сохнуть на дороге и упрямо вливается обратно в губы... К горлу подкатил ком, стало кисло и страшно. Белая тряпка... Всего лишь мальчишка. Недоросль в белой рванине. Простыню, что ли, порвал на рубашку? Лапти, онучи, голова замотана белым...

Мальчишка поднял голову, и Сивиру стало совсем пло-

хо. Вокруг было очень, очень жарко, и не пели кузнечики, не кричала сова, только звон – звон комариный в ушах... Сердце снова рухнуло в град, и Сивир подумал, как же это занятно: сердцу холодно, словно в лед бросили, а кожа горит, как в огне... Глаза мальчишки сияли голодной пустотой. Взять Лиса Анховы, подержать недельку голодом, умножить на сто и собрать воедино – вот это было сейчас в двух ярко-синих кристаллах, сочащихся силой. Казалось: протянет руку, возьмет за горло – треснет шея; взглянет в душу – сгорит душа...

И – резко, одним хлопком – вернулся звук.

Густай Сивир согнулся пополам. Его вырвало – черным порошком, растворенным в слюне. Жуткая клякса на песке не хотела сохнуть и умирать. Подергивалась, жила. И, когда рука мальчишки опустилась на эту кляксу, Сивир совершенно не удивился.

Цель по стрелку...

Взвизгнуло.

– Это еще не все, – голос мальчишки шел из горла толчками, с хрустом, как будто ломали сухостой. – Ты возьмешь меня с собой. Мы закончим в укромном месте. Ты знаешь поблизости укромное место. Вези меня туда.

Сивир не смог даже захотеть отказаться. Разум был парализован, отсечен от души и тела, как потроха от свиной туши. Жрите, собаки... Когда он залез в телегу (рядом легко вспорхнула белая тряпка) – рука дернулась к «гнездовни-

ку», но тут же опала. Единственное, что смог Густав Сивир – обернуться.

Черная клякса на дороге горела ярко-синим пламенем.

Накрыв лицо недочитанными «Тайнами гордеца», заложив руки за голову, отдавшись на волю легчайшего ветра, глава Зеленой Башни дремал в гамаке. Совсем не страшный, в запыленной робе, в укромном уголку двора «Чертополоха», чей хозяин, Дьоха Коготь, был вечно благодарен магам за выдворенных бесноватых крыс. Пустая бутылка рядом, еще одна поодаль, поднос с костями – о, предмет вожделе-ния двукрылых орд!

Мушиная осанна раздавалась далеко за пределы двора.

Книги? Посохи? Магические жезлы? Дзэндар не терпел истинно колдовского оружия, а и терпел бы – отказался прямо сейчас волочь в гамак всю эту груду. Исключение сегодня составил короткий граненый мечелом с четырьмя жемчужинами в утолщении гарды. Мечелом был магитирован, но не одушевлен. Да полно, чего опасаться здесь, в тени старого клена, в мягком гамаке... чмок-чмок... в компании «Тайн гордеца»? Ясно, нечего.

Вон, мухи – того же мнения. Кушайте, мушки... крылышки не запачкайте.

Словом, архимаг (с третьего числа – официально) пребывал в том редчайшем для него расположении духа, когда все вокруг друг друга любят и уважают, никто о колдовских зло-

деяниях не помышляет, волшебные мечи надежно упрятаны в камень, а малолетние короли грызут орехи, хватают за хвосты голубей и за юбки фрейлин и думать не смеют о дальней дороге, променяв успокоение сердца на казенный дом.

Пыль взметнулась столбом на дворе «Чертополоха».

Крякнул на кухне Дьоха Коготь.

Облако мух взорвалось черным вихрем.

Дзендар приоткрыл один глаз.

Разумеется. Ну, еще бы. Конечно. О да, и само собой. Можно продолжать изливаться флегмой, суть не изменится. На поиски блудливого псевдманта отловили самого быстрого, самого умелого, самого безумного и самого бесшабашного колдуна. А именно – его собственного ученика, будь проклят тот день, когда рука поднялась и язык шевельнулся взять эту летучую сволочь под свое попечительство.

Квас Моури – вот он, сияет, как начищенный пятак. Прошу любить и не жаловаться.

– Ну – архимаг хотел произнести это грозно, но вышло почему-то устало. – Что на этот раз? Черный репей? Лягушка-говорушка? Вошь-скакунец? Все это я бы почувствовал. Я уже привык к твоим фокусам. Что ты применил на этот раз? И не говори, что нашел меня интуитивно! Чем ты меня пометил?

Рот Кваса разъехался от уха до уха. О, это была лучшая похвала его честолюбивому сердцу! В тайных чарах ученик архимага был неистощим, непредсказуем и молниеносен. Не

человек – гром среди ясного неба. Что говорить, если сам король Черносеребряной Земли, великий и могучий Роос Язь, поставил требование: двадцать шесть лет, и ни днем более. В день двадцатishестилетия Квас Моури был обязан прибыть во дворец, дабы официально возглавить Управление по особым вопросам тайной магии. Иными словами, стать самым известным и опасным наемным убийцей на службе государства.

Чихать хотел Квас Моури на слова короля.

И Дзендар внутренне содрогался, представляя себе двадцать шестой день рождения этого живого вихря.

– «Голодный овод», – облизнулся ученик. – С подливой из «Аква Синистра». Пробив – высший класс! Проверьте правое ухо.

Дзендар мрачно полез ковыряться в ухо. Сковырнул черное тельце размером с крупную песчинку, раздавил ногтем – несколько более нервно, чем следовало бы. И уставился на верного ученика. Тот глядел в ответ честными зелеными глазами. Бестия, что возьмешь... Девчонки на шею вешаются, парни сговариваются то напоить, то отмутузить за углом. Копыта и хвост им вместо злополучной намыленной шеи: никто в Утранте не владел магией телепортации так, как эта летучая пакость. Стоило только показать первый шаг – через час Квас Моури уже скакал по крышам не хуже горного козла, только пыль да черепица во все стороны – брызгами.

– Что там у вас случилось? – не выдержал Дзендар.

– О! – да уж, придать многозначительности одному-единственному звуку ученик сумел как никто другой. – О, на это стоит поглядеть. Крестьянин из Кলেখты, сорок два года, женат, букет болезней стандартный плюс аллергус финитус на пыльцу гороха. Как бы...

– Ну? – поторопил архимаг.

– Одержимость, – коротко сказал Квас Моури, и на мгновение улыбка покинула его лицо. Словно сумерки упали: опустились углы губ, две морщинки прорезались на лбу, чуть прищурились глаза... И Дзендар с новой тоской подумал о том дне, когда за зеленоглазой бестией приедет карета с королевским гербом. Нет, вряд ли приедет. Остановится в лесу, пустая, и никто не найдет гонца. И отряд особого назначения, отправившийся по следам кареты, тоже не найдут. Не того полета птичка, чтобы крылья под нож подставлять...

Дзендар тряхнул головой. Газета свалилась на землю, распугав остатки мушиных полчищ – прямо в блюдо. В кости и жир.

– Одержимость? – тихо спросил он. – Что ж...

Безучастно смотря на прыгающий подбородок Хлотты Сивир, архимаг чувствовал, как к щекам медленно, но верно приливает давно забытый жар. Славные два десятка молодости, попойки, зачеты и неуды, где вы? Хэй, по пятой, чихать на маганализ, гуляй, братва! И назавтра – то самое: превратившийся в дерюгу язык на зачете, скучающе-презри-

тельный взгляд наставника, трясущиеся мизинцы, сплетающие чудного вида кукиш вместо строгой «лозы своенравия».

Стыдно было чародею.

Нить повествования ускользала от Дзендара. Все история, которую пришлось воссоздавать по свидетельствам жертвы (собственно) и жены жертвы (косвенно), казалась смазанной хорошим курдючным салом. Выскальзывала, плюхалась на пол, катилась к дверям – я от бабушки ушел... Все было не так. Признаки одержимости были налицо. Жертва более не могла говорить неправду. Солгать для Густая Сивира отныне стало таким же непростым делом, как съесть гранитный валун без соли и перца. Хлотта Сивир тихо плакала в углу. Полчасом ранее муж со светлой улыбкой признался ей в шестнадцати изменах с начала весны. Знала ведь... зачем, зачем спрашивала?! Дура, набитая дура...

И вместе с тем белый ворох, найденный на месте инфузии, совершенно не пах демоном.

Дзендар знал, о чем говорил. Эманации демона – не комар чихнул, их не спрячешь и не рассеешь. Места применения силы цветут на астральном фоне изумрудом. Смерть демона – черно-красная розетка в трех проекциях. Такие следы не заживают месяц и более. И уж никак не рассеиваются за пару часов.

– Я все думаю, – негромко проинформировал Квас. – Думаю насчет той кляксы. Выходит, способности лгать может иметь осязаемую форму?

Дзендар шмыгнул носом в тщетной попытке согнать жар со щек. Ответа на этот вопрос он тоже не знал. Впрочем, после воцарения Риаленн можно очень многое принять как есть. Демон, который не демон? – плюнуть и растереть. Вопрос в другом. Можно, конечно, все спустить на тормозах, но что если сущность-паразит не остановится? Кто будет следующей жертвой? Кто открыто заявит о своих преступлениях? Он, Дзендар? Всимангл? Верховный рерия?

Роос Язь, король Черносеребряной Земли?

– Правда может быть страшным оружием, – бросил Квас Моури, и Дзендар уныло кивнул.

На крыльце зашумели. Дверь распахнулась. На кухню ввалился верховный рерия. Дзендар икнул и возмущенно открыл рот, собираясь высказать все, что думает о шалопах-управленцах. Хлотта Сивир тоже икнула и очень постаралась стать меньше. Феликс бросил на грязный стол какой-то сверток, щелкнул пальцами и быстро пробормотал что-то, очень похожее на ругательство. На кухня стало светлее, воздух резко остыл и посвежел, и Дзендар снова открыл рот – на этот раз уже от удивления.

– Зубы простудишь, – буркнул Феликс. – Здравствуйте, хозяйшка. Дзе, у нас проблемы. Я поднапряг своих ослов – вот имена, даты, вся ерунда. Фаза длится не более четырех часов. У нас очень мало времени. В свободном состоянии эту тварь не поймать.

– Еще чего, – начал Квас, – Я...

– Не выйдет, – отмахнулся рерия. – Извини, у него принципиально иной способ телепортации. Только сердце загубишь. Это вот и есть жертва?

– Да, – светло и тихо сказал Густай Сивир, до этого момента смиренно сидевший на стуле – даже лапки на груди сложил. – Я и есть жертва. Я уже все рассказал, но могу повторить, хоть это и неприятно для меня.

– Не надо, – поморщился Феликс. – Хозяюшка, дайте табурет. Хозяюшка? Вот черт... Ладно, сам возьму. И чего у меня такая странная репутация?

– Я тебе как-нибудь припомню, – пообещал Дзендар. – Показательный костер... я до конца думал, что ты сожжешь того бедолагу. Варвар. О, Шестеро, четыре часа! То есть уже меньше двух! Ну почему, почему все так невовремя?

– Не понимаешь ты женщин, – голосом умудренного джинна произнес верховный рерия. – Все с твоей женой в порядке. Обычный бунт на корабле. Успокоится – вернется. Но, тут ты прав, с ней было бы в разы легче.

– Знаю, – проворчал архимаг. – Ну? И чего делать?

– Вот уж не знаю, – кисло усмехнулся Феликс. – Кто из нас маг? Ты или я?

– Маг, – процедил Дзендар. – Какая зараза выучила тебя «белой лилии»? Узнаю – в могилу сведу! Плохо, плохо! Если не демон.. то – кто? Как сражаться с врагом, не зная природы врага?

И он вновь воззрился на безмолвного и благостного Гу-

стая.

– Кто же ты?

– Я Густай Сивир, – с готовностью начал тот. – Я работаю
возникчим на службе у...

– Замолчи, – буркнул Дзендар. – Это был риторический
вопрос. Хотя...

Он поднял голову – и в глазах архимага вспыхнул огонь.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Густай Сивир, – быстро произнес мужик.

– Еще?

Повисло молчание. Феликс покачал головой. Квас тихо
вздыхнул и потянулся к чашке с чаем. И вдруг одержимый
произнес, с невероятным трудом выдавив из себя:

– Сайва Снаус.

Феликс замер. Затем усмехнулся, достал из кармана лип-
кий леденец, бросил в рот и невнятно проговорил:

– Гениально!

– Еще?

– Вистор Метт, – одержимый помедлил, – Грайвана Ми-
ута, Ликма Сеттаха...

– Довольно, – отрезал архимаг. – Ты – демон.

– Нет, – мотнул головой мужик.

Дзендар крикнул и виновато посмотрел на Кваса. Ученик
кивнул: никогда и никому не расскажу, наставник. Валяй-
те дальше, позорьтесь, сколько влезет. Тут не сегодня-завтра
война может грянуть с этими правдолюбцами, что нам огре-

хи архимагов...

– В тебя вселился демон, – Дзендар решил зайти с другого конца.

И вновь получил отрицательный ответ.

– У него меняется аура, – сказал вдруг Квас Моури. – Смотрите, сейчас длина волны пять же на восемь, а была... Да, длина уменьшается. Но когда его спросили насчет имен, я точно видел положительный всплеск. Это наверняка одержимость – только недемонической формы.

Дзендар сощурился и вдруг напрягся, став донельзя похожим на гепарда перед прыжком.

– Ты, – хрипло сказал он. – Гений физики и математики. Следи за длиной волны. Чтоб ни движения... понял?!

И, повернувшись к Густаю, бросил:

– Сейчас я ударю тебя в лицо.

– Всплеск на четыре – два, – отрапортовал Квас.

– Ложь, – изумленно проговорил Феликс. – Он реагирует на чужую ложь.

– Замолчи, – устало сказал архимаг. – Густав, твое имя на самом деле Трезор, и ты собака у твоей жены.

Квас коротко вскрикнул, но Дзендар и сам видел результат. Одержимый реагировал на ложь о самом себе так, словно его поджаривали на сковородке все служители Пятого в канун Очищения. Это было странно, дико, невозможно, но...

Но это давало крохотный осколок надежды.

– Перенасытить, – тихо произнес верховный рерия. – Перенасытить и изгнать... Уничтожить...

– Сколько там имен? – резко спросил Дзендар. – Там, в твоём дурацком свертке – сколько?

Повисло молчание. Потом Феликс кашлянул и убитым голосом произнес:

– Почти четыреста.

Архимаг промолчал. Ситуация была на редкость глупой. Прямо перед ним сидел одержимый недемонической сущностью, захвативший себе в услужение психеи четырех сотен людей. Изгнать? Он не псевдмант Каурр, да и тот, будучи живой легендой, вряд ли взялся бы за такое...

– Да уж, – хмыкнул Квас. – Время собирать камни... Как изгнать существо, живущее правдами сотен людей? Где взять ложь, которая его уничтожит? Это должна быть чудовищная, невероятная ложь. Такая, чтоб сердце остановилось, если услышать ее. Чтобы само мироздание возопило: не так!

– Начитался стишков, – проворчал Дзендар.

Еще две секунды протекли в гробовом молчании. Тихо было в доме, молча улыбался на стуле Густай Сивир, грыз соломинку Квас Моури, разминал пальцы Дзендар...

И все вздрогнули, когда заговорил Феликс, верховный рерия города Утранта.

– Ты, – сказал он. – Ты, Густай Сивир, крестьянин из этой деревни. Ты – ничто. Твоя жизнь не стоит ни гроша. Ты бес-

полезен, кусок мусора, ты пыль под ногами богачей из округа. Ты обречен возить свое сено до конца твоих дней. Слышишь меня, Густай? Ты – простое ничтожество, алкаш и забулдыга, твое сердце давно перегорело, ты никогда не увидишь подлинной красоты синего неба, не ощутишь истинный запах травы, сохнущей на солнце, ты обречен на проматывание жизни в кабаках и подво...

– Спасай хозяйку!! – заорал Дзендар.

Громадный белый пузырь вспух над домом Густая Сивира. Дикая рев перекрыл грохот обваливающихся балок. Согнувшись и кашляя, из облака пыли выкатился Квас с Хлоттой подмышкой: в суете ученик архимага напрочь забыл о телепортации. Дома больше не было. Из пыльной тучи, шатаясь, выбрались Дзендар и Феликс. У рерии был расплюсчен нос, из него текло красным. Дзендар отделался здоровенной шишкой на лбу.

– Вы чего?! – Квас глотал воздух, как загнанная лошадь. – Вы... ик! – убить меня хотели? Вы... ик! – психи абсолютные! По вас... лечебница плачет!

– Зубы целы?! – грозно спросил Дзендар.

– Вроде, – от неожиданности Квас потерял нить рассуждений.

– Еще пара словечек, и будут сломаны, – пообещал архимаг. – Поговори мне тут еще. Ты вообще обязан был найти выход самостоятельно. Почему, Пятый тебя побери, управленцы соображают в магии лучше, чем чародеи? Тебя спра-

шиваю, Квас Моури!

– Это не магия, – Феликс закашлялся. – Это... Дзе, дай платок.

– Ладно, – с досадой произнес Квас. – Опять я виноват. Замечательный у меня наставник. Добрый, как некрос в период гормонального пика. Ладно. Объясните мне, дураку, почему против демона правды сработала правда?

Феликс хихикнул. Поймал возмущенный взгляд ученика чародея – и расхохотался, глотая красную пыль и судорожно прижимая ладонь к груди.

– Дзе, – простонал он сквозь смех. – Дзе, он и правда думает... Ой, не могу! Он серьезно считает, что я ему... кха!.. правду сказал! Это и есть... мальчик мой, Квас, это и есть – самая большая ложь! Та ложь, которую само мироздание... кхе... не потерпит на своей шкуре! Эх ты, Квас...

– Но ведь он и вправду... – нерешительно начал неофит. И замер, увидев перед носом кулак Дзэндара.

– С завтрашнего дня, – грозно произнес аэромант. – С завтрашнего дня отправляешься в компанию к Альсиглу. На месяц. Будешь ходить, пьянствовать и слушать. А о магии – думать забудь. Я еще сделаю из тебя человека. Пошли, Феликс. Нам сейчас эту счастливую семейку каплями отпаивать. Ага, и дом восстанавливать. Расходы-то на кого лягут? Ну нет, так не пойдет, будем бросать монетку. И не твою, у тебя там два орла, я точно знаю...

Квас Моури озадаченно смотрел вслед наставнику.

– На месяц, – хрипло повторил он. – К Альсиглу. О, Шестеро, за что? И что я такого сказал? Не может же быть, что он солгал, верно? Ведь он, Густай Сивир, совершенно ничемный... Чего я не понял? Где справедливость? Не может же быть, чтобы он, пыль под ногами богачей... чего-то стоил на этом свете?

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.